

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327

Угольно-энергетическое сотрудничество Европейского союза и Южно-Африканской республики в условиях трансформации энергетических рынков

Н. Г. Заславская¹, А. Д. Лисенкова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

Для цитирования: *Заславская Н. Г., Лисенкова А. Д.* Угольно-энергетическое сотрудничество Евросоюза и Южно-Африканской республики в условиях трансформации энергетических рынков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 457–474. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.404>

В статье анализируется угольно-энергетическое сотрудничество Европейского союза и Южно-Африканской Республики в условиях происходящей трансформации энергетических рынков. Для этого отдельно характеризуется состояние угольно-энергетического сектора Южной Африки, а также объясняются причины и следствия климатического давления на нее Европейского союза, его членов и ряда третьих развитых стран. Последнее подталкивает к участию в международных климатических инициативах и реализации южноафриканского «зеленого перехода». После этого оценивается потенциал долгосрочного угольно-энергетического сотрудничества Европейского союза и Южно-Африканской Республики в условиях кризиса в отношениях Российской Федерации и «коллективного Запада» с введением угольного эмбарго, европейских климатических амбиций по расширению возобновляемой энергетики и достижению «нейтральности», а также внутренних энергетических южноафриканских проблем. Авторы констатируют, что после связанного с антироссийским угольным эмбарго существенного роста поставок угля из Южной Африки в Европейский союз в 2022 г. уже на следующий год произошел достаточно стремительный спад. Он сопряжен с движением в сторону нормализации цен и европейского спроса, неиспользованными накопленными запасами и климатически обоснованным снижением доли угля в энергетическом балансе Европейского союза, требующим существенных угольных поставок бурным экономическим ростом и пост-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

ковидным восстановлением в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также внутренними перманентными проблемами страны (коррупция, вандализм, воровство, устаревшая инфраструктура и т.д.) и ее низкой конкурентоспособностью в сравнении с ключевыми конкурентами (Австралия, США) на международном энергетическом рынке.

Ключевые слова: Европейский союз, Южно-Африканская Республика, энергетика, уголь, эмбарго, изменение климата.

Введение

На рубеже 2021–2022 гг. цены на твердое ископаемое топливо, под которым преимущественно понимаются различные виды угля, стремительно взлетели. Не исключением стала и продукция из Южно-Африканской Республики (ЮАР). По данным портала Index Mundi, с ноября 2021 г. по апрель 2022 г. ее стоимость поднялась со 128 долл. за тонну до 302, увеличившись тем самым почти в 2,5 раза [1]. Колебания на мировом угольном рынке достигли пиковых показателей, превысивших даже высокие отметки кризисного 2008 г. [2]. Среди прочего это было связано с пятым пакетом санкционных ограничений Европейского союза (ЕС) против Российской Федерации (РФ), утвержденным в апреле 2022 г. Он включил в себя «запрет на приобретение, ввоз и передачу угля и других видов твердого ископаемого топлива <...> в ЕС, если оно добывается в России или экспортируется из России, начиная с августа 2022 г.» [3].

Несмотря на то что ограничения начали действовать не сразу, реакция рынка не заставила себя ждать. Здесь стоит подчеркнуть, что, статистически, по данным The Coal Hub, на 2021 г. свыше 38% угольного импорта в ЕС поступало из РФ. Для сравнения, на США и Австралию приходилось около 16%, на Колумбию — порядка 8%, а на ЮАР — только чуть больше, чем 2% [4]. Другое дело, что под влиянием климатических амбиций и из иных соображений энергетической безопасности не первый год снижались доля угля в энергетическом балансе Европейского союза и совокупный ежегодный объем российских поставок. Исключением стал только импорт 2021 г., превысивший в своих показателях уровень 2020 г. [5], что в первую очередь связано с сокращением производственных мощностей в период пандемии COVID-19. Другим фактором, касающимся преимущественно данных за конец 2021 г., стал развернувшийся в октябре того же года мировой энергетический кризис.

Таким образом, на резкий рост цен и трансформацию энергетических рынков повлияло не только постковидное восстановление, но и неготовность возобновляемых источников энергии (ВИЭ) взять на себя ведущую роль, а также набирающее обороты нагнетание атмосферы вокруг отношений ведущего поставщика в лице России и поддерживаемой «коллективным Западом» транзитной Украины [6]. Кроме того, изменения цен на газ на европейском энергетическом рынке, с чего и стал зарождаться мировой энергетический кризис во второй половине 2021 г., по словам вице-премьера А. В. Новака в интервью РБК, также произошли по целому ряду дополнительных причин: отказ от долгосрочных инвестиций с последовавшей ориентацией поставщиков сжиженного природного газа (СПГ) на другие рынки (в основном Азиатско-Тихоокеанский регион), погодные условия (холодная зима) и закладываемые в стоимость риски их повторения, а также снижение собственной добычи в Европе [7].

Более того, темпы постковидного восстановления экономик были не просто высокими, но и превысили изначальные ожидания. Это только дополнительно спровоцировало рост спроса на энергетические ресурсы. На фоне изменений газовых цен, несмотря на климатические приоритеты Европейского союза, последовал дополнительный рационально обоснованный интерес к углю, наиболее «грязному» топливу с экологической точки зрения, но уже не в первый раз используемому в качестве антикризисного источника энергии [2]. Примечательно, что за последовавший также кризисный 2022 г. поставки угля из Южно-Африканской Республики в Европейский союз выросли в 7 раз. В IV квартале 2022 г. страна даже вышла на единоличное первое место, обогнав не только Колумбию, но и США с Австралией [8–10]. Несмотря на снижение пиковых цен, ряд кризисных факторов по-прежнему актуален. В наибольшей степени это связано с неготовностью возобновляемых источников энергии (ВИЭ) заменить попавшие под санкционные ограничения российские энергетические поставки, что неминуемо повлекло за собой поиск альтернатив и, соответственно, трансформацию энергетических рынков. Цель данного исследования сводится к определению состояния угольно-энергетического сотрудничества ЕС и ЮАР в условиях данной трансформации.

Методы, материалы и литература

Для проведения исследования, касающегося определения состояния угольно-энергетического сотрудничества ЕС и ЮАР в условиях происходящей трансформации энергетических рынков со второй половины 2021 г., авторами были использованы две группы ключевых источников.

Первая группа сформирована корпусом статистики по различным аспектам сотрудничества ЕС и ЮАР в области угольной энергетики. Он включил в себя опубликованные данные об изменении цен (Index Mundi) [1], экспортных и импортных показателей в отношениях треугольника ЕС — РФ — ЮАР (The Coal Hub [4], Eurostat [9] и др.) и различных видах угля (Международное энергетическое агентство) [11], объемах добычи (Tradeimex Solution) [12] и спроса (The Coal Hub [13] и др.), энергетическом балансе ЕС (Ember) [14], иностранных инвестициях в южноафриканский угольный сектор (Global Energy Monitor [15] и др.), а также о климатических показателях ЮАР (Statista) [16].

Вторая группа образована нормативно-правовой и программной базой, включающей несколько категорий. В первую очередь это документы, регулирующие основы внешнего и энергетического направлений политики ЮАР (например, Комплексный ресурсный план на период до 2030 г. от 2010 г. и его практически ежегодные изменения [17], «Национальный план развития Южной Африки до 2030 г.: наше будущее — сделаем его рабочим» от 2012 г. [18]). Кроме того, это энергетические и климатические документы ЕС, определяющие направление развития объединения, к которым можно отнести Внешнюю энергетическую стратегию ЕС от 2022 г. [19], Европейский климатический закон от 2021 г. [20], Директиву ЕС о ВИЭ от 2023 г. [21] и включающий в себя угольное эмбарго пятый пакет антироссийских санкций [3]. Наконец, это документы, регламентирующие основы глобальной политики ЕС («Глобальный портал» 2021 г. [22]), а также международного климатического сотрудничества («Заявление о глобальном переходе от угля к экологически

чистой энергии» от 2021 г. [23], Климатический пакт Глазго от 2021 г. [24], определяемый на национальном уровне вклад ЮАР от 2016 г. и от 2021 г. в рамках Парижского соглашения по климату от 2015 г. [25]). Вспомогательную роль сыграли материалы ряда официальных сайтов (например, ООН [26], институтов и ведомств Европейского союза [27], Международного энергетического агентства [28] и др.).

С помощью сравнительного анализа на основе упомянутых источников дана комплексная характеристика состояния угольно-энергетического сектора Южной Африки и деятельности государства по реализации «зеленого перехода» под влиянием глобального изменения климата и давления Европейского союза, его членов и ряда третьих стран, охарактеризованы энергетические и климатические приоритеты ЕС, а также потенциал долгосрочного угольно-энергетического сотрудничества ЕС и ЮАР в условиях кризиса в отношениях РФ и «коллективного Запада». Авторы также использовали системный анализ и рассматривали изменение роли ЮАР как поставщика угольной продукции в Европейский союз в контексте происходящих системных изменений. Трансформация системы международных отношений, в рамках которой в том числе происходит перераспределение на угольном рынке, приводит к изменению роли отдельных акторов, переоценке их приоритетов и изменению поведения, что и произошло в случае с ЕС и ЮАР.

Кроме того, здесь следует добавить, что некоторые российские и зарубежные исследователи уже рассматривали определенные аспекты, имеющие отношение к данной теме. В их публикациях затрагивались вопросы использования угля в условиях международного энергетического кризиса (И. В. Ананич) [2], энергетической политики ЕС (Ю. В. Боровский и О. В. Шишкина) [6], проблем угольно-энергетического сектора ЮАР и «зеленого перехода» (Ю. С. Скубко [30], А. М. Мастепанов и др. [31], Х. Борат и др. [32], Дж. Ханто и др. [33], Б. Парр и др. [34]), а также политики третьих стран в Африке (Т. Л. Дейч) [35].

В представленной статье авторы рассматривали проблему развития угольно-энергетического сотрудничества ЕС и ЮАР с точки зрения теории рационального выбора, исходя из предположения о рациональности изучаемых акторов, в данном случае Европейского союза и Южно-Африканской Республики, и их стремления максимизировать собственные интересы. Обе стороны действуют в соответствии со своими экономическими приоритетами, стремясь реализовать их наиболее эффективным способом. Выбирая из имеющихся вариантов, они предпочитают для себя тот, который в их понимании в наибольшей степени соответствует достижению благоприятного результата с учетом имеющихся ограничений [36]. Так, ЕС озабочен внешнеполитическим противостоянием с Россией, прежде ведущим поставщиком невозобновляемых энергетических ресурсов. Несмотря на то что недостаток собственных альтернатив и климатические амбиции подтолкнули к выбору возобновляемой энергетики [19], на пике энергетического кризиса, столкнувшись с ограничениями окружающей политической действительности, объединение было вынуждено действовать еще более экономически рационально, прибегая к пусть и более «грязному», но дешевому южноафриканскому углю, демонстрируя то, что интересы оказались важнее декларируемых ценностей. Вне пикового состояния объединение продолжает делать акцент на возобновляемой энергетике, продавливая ее распространение и в других регионах, тем самым рационально действуя в своих экономических интересах, а не только из экологических соображений

и ценностей. ЮАР также демонстрирует рациональную логику, стремится продавать свою угольную продукцию на тех рынках, где совокупность географической удаленности, цен, уровня конкуренции и спроса наиболее благоприятна, потому можно было наблюдать переключение с азиатско-тихоокеанского рынка на европейский и обратно.

Состояние угольно-энергетического сектора Южно-Африканской Республики

Какие ресурсы позволили ЮАР стать ценным партнером для Европейского союза в угольно-энергетической сфере? По данным Tradeimex Solution, по итогам 2023 г. Южно-Африканская Республика заняла пятое место в мире среди поставщиков угля. Столь высокая позиция в рейтинге, однако, не свидетельствует о по-настоящему существенной доле на угольном рынке. С одной стороны, страна уступила только Индонезии, Австралии, России и США. С другой стороны, доля ЮАР в данном распределении составляет всего 5 %. По уровню добычи она занимает уже седьмое место. Для сравнения, свыше 52 % (3,7 млрд т) приходится на Китай, тогда как объемы Южной Африки (278 млн т) примерно в 13 раз ниже китайской стороны. От занимающей строчку выше России (423,1 млн т) страна также отстает примерно в полтора раза [12]. Несмотря на показательность подобных расхождений в долях ведущих производителей и поставщиков, стоит учитывать, что только 16 % от всего мирового спроса на уголь покрывается торговлей, остальное — внутреннее производство. Более того, по подсчетам Международного энергетического агентства, 77 % торгуемого угля — это энергетический уголь. Соответственно, доля лигнита и металлургического угля существенно ниже. Другое дело, что, в отличие от ряда своих основных конкурентов (США, Австралия), Южно-Африканская Республика не поставляет металлургический уголь [11].

Свыше 90 % разведанных мировых запасов угля приходится только на 10 стран, в число которых ЮАР не входит. Ее доля составляет менее 1 % с запасом примерно в 10 млрд т [37]. Несмотря на то что ресурсы достаточно ограничены, пока этого хватает для самообеспечения [11] с потреблением порядка 200 млн т в год [38], что составляет большую часть добываемого угля в стране. Сорты угля, соответствующее более высокому качеству, уходят на экспорт. Остальное использует в своей работы электроэнергетический монополист «ЭСКОМ». Около 70 % энергетического баланса ЮАР по-прежнему формирует уголь, что является одним из самых высоких показателей уровня угольной зависимости в мире. Таким образом, уголь имеет фундаментальное значение для южноафриканского энергетического сектора [39]. Деятельность последнего в стране имеет обширное программное и нормативно-правовое сопровождение, будь то Белая книга по энергетической политике (1998), Белая книга по возобновляемой энергетике (2003), Национальная стратегия по энергетической эффективности (2005), Закон о национальной энергетике (2008) и др. Комплексный ресурсный план на период до 2030 г. (2010) по своей сути заменил Белую книгу 1998 г. Предполагалась даже его регулярная ежегодная корректировка, однако на практике изменения, согласно оценке ряда экспертов (А. М. Мастепанов, А. М. Сумин, Б. Н. Чигарев), скорее «косметические» [31]. Тем не менее государство амбициозно заявляет о своих приоритетах, касающихся сокращения

выбросов парниковых газов, диверсификации и ценовой доступности. В случае с углем речь в первую очередь идет об инвестициях в более чистые и эффективные технологии [17].

Непосредственно добычей в Южной Африке занимается сразу ряд конкурирующих между собой компаний как южноафриканских, так и зарубежных. К ним можно отнести британскую Anglo American PLC, швейцарскую Glencore, южноафриканские Sasol и Exxaro. Помимо ограниченности ресурсного потенциала, а также текущего уровня экономического и политического развития страны данные компании сильно зависимы непосредственно от деятельности государственных компаний, занимающихся электроэнергетическими и транспортно-логистическими вопросами.

Проблемы угольно-энергетического сектора ЮАР во многом упираются в деятельность государственной электроэнергетической организации-монополиста «ЭСКОМ», не первый год сталкивающейся с кризисом руководства, коррупцией, устаревшей инфраструктурой и воровством, расовой «позитивной дискриминацией» вместо меритократии, чередой аварий на предприятиях, нехваткой квалифицированных кадров, недовольством профсоюзов. Регулярные веерные отключения электричества, свыше, чем на 10 часов в день, и сброс мощностей губительны не только для бытового потребления, так как более половины его также идет на обеспечение работы горнодобывающей и обрабатывающей промышленности [30; 33]. Современная ситуация для «ЭСКОМ» существенно отличается от ее положения в 1960–1970-е годы в условиях дешевизны добычи угля и динамичного промышленного развития. В 1990-е годы, с одной стороны, компания занималась электрификацией тауншипов. С другой стороны, после падения режима апартеида государство стали активно покидать квалифицированные кадры. Более того, новое руководство страны не отличалось дальновидностью, игнорируя потребности угольно-энергетического сектора, тем самым только содействуя экономической деградации. Попытки реформ не давали существенных результатов, а «ЭСКОМ» оказалась в затяжном кризисе и несколько раз даже была под угрозой разделения [40].

Со схожими проблемами сталкивается и другой ведущий игрок, логистическая государственная компания Transnet, деятельность которой связана с портами, трубопроводами и железнодорожным сообщением ЮАР [41]. Как и в случае с «ЭСКОМ», работе Transnet препятствуют вандализм, коррупция, воровство (например, медного кабеля) и нехватка инфраструктуры (в частности вагонов), забастовки и др. [42]. Энергетические и горнодобывающие компании (например, Sasol или Thungela Resources) неоднократно высказывали свою озабоченность проблемами поставок, в том числе последствиями в виде закрытых шахт, что влечет за собой угрозу не только промышленности, но и в первую очередь электроэнергетическому сектору страны. Так, примером препятствия для транспортировки угля и доставки его в порт Ричардс-Бэй, крупнейший угольный терминал в стране, может служить железнодорожная авария с столкновением двух поездов, случившаяся в начале 2024 г. и далеко не первая подобная рода авария за последние несколько лет [42]. По подсчетам Bloomberg, преимущественно из-за логистических трудностей угольные экспортные показатели южноафриканского терминала Ричардс-Бэй в 2023 г. не просто снижались шестой год подряд,

но и упали до самых низких с 1992 г. [43]. Добыча угля, несмотря на возросший спрос в 2022 г., по материалам Statista и The Coal Hub, также не просто снижается еще с 2014 г., но и достигла в 2022–2023 гг. минимальных показателей с 2002 г. [13; 44]. Кроме того, проблемы «ЭСКОМ» и Transnet, будь то кадровые, расовые и т. д., актуальны и для большинства осуществляющих свою деятельность в ЮАР добывающих предприятий. Внутреннее потребление угля также сокращается не первое десятилетие [45], правда, не только по социо-экономическим, но и по экологическим причинам.

Особенности «зеленого перехода» ЮАР

Усиление роли ЮАР на мировом рынке угля заставляет обращать больше внимание на ее отношение к климатической повестке и «зеленому переходу». Особо пристально за ситуацией в Южной Африке следит Европейский союз.

Южно-Африканская Республика присоединилась к принятому на COP-21 (21-я сессия Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата) в 2015 г. и вступившему в силу в 2016 г. Парижскому соглашению [34]. Однако, в отличие от амбициозно настроенных на снижение выбросов парниковых газов развитых стран, ее траектория в рамках взятых на себя национальных обязательств соответствует принципу «пик — плато — снижение» [25]. С одной стороны, это дает необходимую отсрочку для находящегося в перманентном экономическом кризисе государства. С другой стороны, возникают сомнения, собирается ли оно выполнять свои обязательства. Тем более, что страна заявила о планах достичь «нейтральности» к 2050 г. [28], что, для сравнения, совпадает с намерениями «экономического гиганта» в лице Европейского союза.

При этом последние годы на международных переговорах по климату ЮАР демонстрировала сдержанность. На прошедшей в 2021 г. в Глазго (Великобритания) COP-26 Южно-Африканская Республика не присоединилась к «Заявлению о глобальном переходе от угля к экологически чистой энергии», в котором говорилось об «уходе от прежних темпов производства угольной энергии в 2030-х годах (или как можно скорее после) крупнейших экономик и в 2040-х годах (или как можно скорее после) всего остального мира» [23]. Не является ЮАР и членом Безугольного альянса, к которому присоединились уже около 60 стран [46]. Участие в COP-26 таких государств, как ЮАР, определило компромиссный характер ключевого документа конференции, в нем содержался лишь абстрактный призыв к «ускорению усилий по постепенному сокращению использования угольной энергетики и поэтапному отказу от неэффективных субсидий на ископаемое топливо» [24].

Однако Международная группа партнеров, состоящая из развитых государств (США, Великобритания, Германия, Франция) и Европейского союза, приняла решение, используя финансовые методы влияния, стимулировать «зеленый переход» в ЮАР и предоставить помощь в размере 8,5 млрд долл. в качестве содействия переходу к низкоуглеродной экономике в рамках Южноафриканского партнерства по справедливому энергетическому переходу [26]. Надо отметить, что финансирование, предоставляемое Международной группой партнеров, предполагает не только грантовую поддержку, но и влечет за собой дополнительные экономические

обязательства. Денежные ресурсы должны быть направлены на вывод из эксплуатации и перепрофилирование угольных электростанций, развитие ВИЭ, повышение энергоэффективности, снижение социальных издержек и т.д. В 2022 г. Президент ЮАР С. Рамафоса представил Инвестиционный план справедливого энергетического перехода Южной Африки. В нем были обозначены три приоритетных сектора: энергетика, электромобильность и «зеленый» водород [47]. В преддверии COP-28 в 2023 г. ЕС подтвердил свою приверженность инициативе, параллельно напомнив, что объем финансирования увеличен до 9,3 млрд долл., а состав партнеров расширен за счет включения Нидерландов и Дании [27].

Население ЮАР зачастую относится скептически к подобного рода зеленым инициативам, которые воспринимаются как механизмы внешнего давления. Ведущий профсоюз Национальный союз металлургов Южной Африки и вовсе выразил опасения по поводу увеличения темпов приватизации, а также роста долгов и бедности [30]. Несмотря на ужесточение торговых экологических стандартов, уголь — это все еще не просто недорогой источник энергии, но и сектор, в котором трудоустроена существенная часть населения страны [32].

Статистически климатические показатели Южной Африки неоднозначны. По подсчетам Международного энергетического агентства, энергетический баланс страны свыше, чем на 70 %, сформирован на основе угля, а доля ВИЭ составляет меньше 10 % [28]. Однако если обратиться к данным Statista, выбросы парниковых газов у страны действительно снижаются после 2019 г. [16]. Другое дело, что существенное влияние здесь оказывает затянувшаяся постковидная стагнация экономики и влияющие на спрос перебои с подачей электроэнергии, где уголь — ключевой источник подобного рода выбросов [11]. Все это подталкивает ЮАР к непростому пути, так как «зеленая» и водородная энергетика, а также любые инвестиции в меры по повышению энергоэффективности и технологии очистки — в совокупности нестабильное и дорогостоящее решение. Из этого можно сделать вывод, что сокращение спроса на уголь и климатическое давление коллективного Запада оказывает во многом губительное влияние на и так испытывающую затяжные трудности экономику. Тем интереснее наблюдать за тем, как наращивает свое присутствие в Африке Китай, что экспертами оценивается двойственно: и как способствующая экономическому росту африканских стран стратегия «win-win», и как форма «неоколониализма» [35]. Государство-лидер по выбросам парниковых газов активно использует уголь для постковидного восстановления экономики и дальнейшего экономического роста. Правда, в 2021 г. Си Цзиньпин обещал, что «Китай усилит поддержку других развивающихся стран в развитии “зеленой” и низкоуглеродной энергетике и не будет строить новые угольные электроэнергетические проекты за рубежом», хотя на конец того же года ЮАР входила в топ-5 крупнейших получателей китайской финансовой помощи [47]. На основе данных Global Energy Monitor, на 2024 г. в Южной Африке действительно нет новых проектов [15]. Однако в совокупности, несмотря на совместные международные климатические обязательства и различные профильные инициативы, а также ограниченность угольных ресурсов ЮАР пока все-таки скорее рационально саботирует «зеленый переход», что связано с серьезной зависимостью от собственного угольно-энергетического сектора.

Энергетические приоритеты ЕС в отношениях с ЮАР

Руководство Европейского союза декларирует свою готовность рационально выстраивать партнерские отношения с ЮАР, отмечая важную роль Южной Африки для реализации европейской стратегии «Глобальный портал» ЕС (2021), при этом подчеркивая соответствие партнерства с ЕС южноафриканским интересам, сформулированным в «Национальном плане развития Южной Африки до 2030 г.: наше будущее — сделаем его рабочим» (2012) [29]. Надо признать, что в документе, регламентирующем «Глобальный портал», Южно-Африканская Республика напрямую не упомянута, зато отмечено, что должно осуществляться инвестирование в ту инфраструктуру глобальных партнеров, что «построена в соответствии со стандартами, которые будут стимулировать низкие или нулевые выбросы и противостоять их воздействию» [22]. Из этого можно сделать вывод, что угольную энергетику ЕС финансировать не собирается, и подтверждают это как данные об отсутствии подобного рода проектов в ЮАР от Global Energy Monitor [15], так и, наоборот, то, что сразу три из четырех инициатив в рамках «Глобального портала» касаются низкоуглеродной или «нейтральной» энергетики: Bio2Watt (проект по биомассе), Финансовые платформы для «зеленого» водорода в ЮАР и Намибии и Партнерство справедливого энергетического перехода [49]. Более того, в напрямую связанной с реализацией данной стратегии финансовой многолетней ориентировочной программе 2021–2027 гг. по Южной Африке уже в приоритетной области № 1 речь идет о прямой корреляции между использованием угля и выбросами парниковых газов и, как следствие, изменением климата [50].

Также следует отметить, что, несмотря на декларируемую Евросоюзом готовность прислушиваться к интересам ЮАР, в Брюсселе, видимо, не замечают желание Южной Африки поддерживать свою угольную энергетику и значение угольных ресурсов для национальной экономики. Подход Южно-Африканской Республики к углю определенно куда менее критичный, хотя здесь и стоит сделать оговорку, что «Национальный план развития Южной Африки до 2030 г.: наше будущее — сделаем его рабочим» был принят до Парижского соглашения и всех последующих климатических инициатив. Тем не менее степень зависимости энергетического сектора ЮАР от угля по-прежнему велика, а отношение к Европейскому союзу можно охарактеризовать выдержками из плана: «Никто не знает наверняка, Европейский союз будет развиваться или окончательно распадется» и «В рамках БРИКС и в Африке отношения ЮАР с Китаем и Индией имеют особенно важное значение. Китай быстро становится самым активным и важным иностранным игроком в Африке. В то время как Европейский союз и США торгуют и инвестируют на континенте на взаимовыгодной основе» [18].

Очевидно, что представления ЕС и ЮАР о перспективах развития угольной энергетики существенно различаются. Но как Европейский союз заинтересован в партнерстве с ЮАР, так и Южной Африке выгодны поставки угля в Европу. Но если до 2022 г. доля поставок угля из ЮАР было относительно небольшой, то затем вместе с системными изменениями международных отношений и трансформацией энергетических рынков меняется и характер угольно-энергетического сотрудничества между ЕС и ЮАР.

Место угля и угольных поставок из ЮАР в энергетике ЕС

Проблема международных климатических усилий и «зеленого перехода» в данной работе затронута неслучайно. Руководствуясь как экологическими и социальными, так и энергетическими и внешнеполитическими соображениями, Европейский союз настроен на сокращение выбросов парниковых газов на 55 % к 2030 г. по сравнению с 1990 г. и достижение «климатической нейтральности» к 2050 г. Оба целевых показателя прописаны в Европейском климатическом законе 2021 г., юридически закрепившем ряд положений европейской «Зеленой сделки» [20]. Путь к «нейтральности» предполагает реализацию сопутствующих целевых показателей. Так, в частности, согласно обновленной в 2023 г. европейской Директиве о ВИЭ, доля «зеленой» энергетики к 2030 г. должна составить не менее 42,5 % в валовом конечном потреблении со стремлением к 45 % [21]. Обострение отношений с РФ, прежде ведущим поставщиком невозобновляемых ресурсов в ЕС, только посодействовало появлению во Внешней энергетической стратегии ЕС 2022 г. упоминания о приоритетности именно «зеленой» энергии для объединения, тогда как в отношении угля предполагалось последовательное сокращение его использования к 2030 г. большинством государств-членов [19]. Несмотря на то что уголь является достаточно дешевым ресурсом, залежи которого присутствуют на европейской территории, его использование не соответствует представлениям объединения об энергетической безопасности. Как следствие, Европейский союз использует рычаги климатического давления не только за пределами своей территории, но и на своих членов (например, богатую собственными ресурсами Польшу).

Статистически, согласно подсчетам аналитического портала Ember, доля угля в выработке электроэнергии ЕС в 2000 г. составляла 30,5 % и уступала только атомной энергетике с 32,8 %. К 2023 г. она снизилась до 12,3 %. Помимо атомной (22,9 %), впереди оказались ветряная (17,6 %) и газовая (16,8 %). Из этого следует, что курс на низкоуглеродную или даже «нейтральную» энергетику успешно реализуется на практике, а не только декларируется в программных и стратегических планах (например, в европейской «Зеленой сделке» или во Внешней энергетической стратегии ЕС), а также в нормативно-правовых актах (например, в Европейском климатическом законе или в Директиве о ВИЭ) объединения. Однако это не исключает колебаний как, например, обоснованное пандемией COVID-19 резкое снижение показателей 2020 г. (12,8 %), а также последующий антикризисный рост использования угля в 2022 г. (16,2 %) с дальнейшим снижением в 2023 г. (12,3 %), улучшившим даже показатель 2020 г. [14]. По подсчетам Statista, с 2005 г. (216,7 т) до 2022 г. (59,2 т) совокупные поставки угля в ЕС также снизились более чем в 3 раза [51]. Южноафриканская доля также постепенно уменьшалась, не достигая накануне кризиса и 5 % [52]. Учитывая, что Европа и сама богата угольными месторождениями и на импорт до кризиса приходилось только порядка 5 %, показатели Южной Африки были совсем незначительны [53]. Ключевые изменения произошли в 2022 г.

Влияние антироссийских санкций на угольно-энергетическое сотрудничество ЕС и ЮАР

На начало 2022 г., по данным Eurostat, Россия оставалась ведущим продавцом угля в Европейский союз (42,1%), однако уже в августе того же года поставки прекратились. ЮАР, в свою очередь, начинала год с 3,3% и уступала не только России, но и Австралии (19,6%), США (18%) и Колумбии (9,6%). Тем не менее показатели Южно-Африканской Республики постепенно увеличивались в 2022 г., а к IV кварталу взлетели до 23% и стали превосходить всех ее основных конкурентов. Но в IV квартале 2023 г. они составляли уже только 6,1%, что больше докризисного периода в 2 раза, но в то же время меньше пиковой отметки в 23% [8–10].

Подобная изначально положительная динамика могла произвести ошибочное впечатление о потенциале Южно-Африканской Республики для становления в качестве куда более влиятельного игрока на европейском угольном рынке, чем было ранее. Помимо исторического присутствия ЮАР в числе ведущих международных поставщиков, статистические изменения можно обосновать следующим:

- резкий рост цен и спроса в Европе, что оказало содействие рационально обоснованному переносу поставок из регионов Тихого и Индийского океанов в направлении ЕС [54];

- внутренние проблемы других ведущих продавцов угля в лице США (кадровый голод, нехватка инвестиций, транспортно-логистические трудности, национальный «энергетический переход») и Австралии (простои и инфраструктурные проблемы, связанные с неблагоприятными погодными условиями) [8].

Однако ряд факторов привел к тому, что семикратное увеличение поставок не стало долгосрочным явлением:

- ограниченный потенциал разведанных запасов ЮАР для долгосрочного доминирования на нескольких направлениях международного угольного рынка [37];

- недостаточно конкурентоспособное и продуктивное производство ЮАР в сочетании с низким экономическим потенциалом дальнейшего развития по сравнению с основными конкурентами (США, Австралия) [8];

- внутренние проблемы угольно-энергетического сектора ЮАР, о чем уже говорилось в разделе, рассматривающем состояние угольно-энергетического сектора Южно-Африканской Республики;

- снижение спроса в Европе (неиспользованные запасы, продолжение «энергетического перехода») и падение цен, которые оставались выше докризисных, но стали существенно ниже пиковых. Это предполагало большую выгоду от поставок в Азиатско-Тихоокеанский регион, испытывающий бурный экономический рост и постковидное восстановление [14; 54].

Заключение

Можно констатировать, что трансформация энергетических рынков в результате ограничения поставок из России привела к изменениям угольно-энергетического сотрудничества между ЕС и ЮАР. Однако продолжающийся меняться рынок оказывает влияние на акторов. Они стараются адаптировать свое поведение под

новые условия, но при этом им важно сохранить свои долгосрочные цели, как в случае с ЕС и идеей «климатической нейтральности».

Европейский союз, руководствуясь собственными рациональными соображениями и существующими ограничениями, реагирует на кризисные явления и системные изменения, но не строит долгосрочных планов на угольно-энергетическое сотрудничество с ЮАР даже в условиях трансформации энергетических рынков. До второй половины 2021 г. и доля угля в энергетическом балансе, и доля угольного импорта (в том числе из Южной Африки) в Евросоюзе поступательно снижалась. В то же время объем южноафриканских угольных поставок в ЕС действительно вырос в 7 раз за 2022 г., что в первую очередь было связано с антироссийским угольным эмбарго. После этого какое-то время страна даже находилась на первом месте в списке поставщиков, чем обязана экономически выгодным ростом цен и спроса в Европе. Со стороны ЮАР было принято рациональное решение о переключении поставок из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Однако ограниченные ресурсы (небольшие запасы угля по сравнению с другими поставщиками, недостаточно конкурентоспособное производство, низкий потенциал для дальнейшего развития) и внутренние трудности ЮАР (коррупция, устаревшая инфраструктура, вандализм, воровство, веерные отключения электричества, забастовки), а также снижение спроса в Европе (в результате постепенного движения к нормализации ситуации, сохранения неиспользованных запасов и продолжения реализации «энергетического перехода») не позволили сохранить высокий уровень поставок угля в ЕС. Для ЮАР это означало новое изменение приоритетов и рациональное решение переориентировать поставки угля в АТР, испытывающий бурный экономический рост и постковидное восстановление.

В долгосрочной перспективе особое влияние на угольно-энергетическое сотрудничество ЕС и ЮАР скорее имеют международные инициативы по борьбе с изменением климата. Европейский союз нацелен на достижение «климатической нейтральности» к 2050 г., что предполагает сокращение использования угля, добытого как на своей территории, так и за ее пределами. Южная Африка также была вынуждена присоединиться к Парижскому соглашению и заявить о намерениях снизить количество парниковых газов и достичь «нейтральности». Подобные обязательства пока вызывают сомнения, так как климатические инициативы требуют существенных инвестиций. Нельзя с уверенностью говорить, что ЮАР в состоянии обеспечить реализацию заявленных целей, обозначенных в первую очередь под давлением Европейского союза. В то же время, находящийся в авангарде международных климатических усилий ЕС и ряд развитых государств готовы оказать финансовую помощь, которая, правда, имеет не только грантовую, но и кредитную основу.

Литература

1. *Coal, South African export price Monthly Price — US Dollars per Metric Ton*, n.d. URL: <https://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=coal-south-african&months=60> (дата обращения: 28.04.2024).
2. Ананич, И. В. (2022), Уголь снова в моде, *Энергетическая политика*, № 5 (171), с. 72–77.
3. Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022), *Official Journal of the European Union*, L 111.

4. *European coal imports declined sharply in 2023*. URL: <https://thecoalhub.com/european-coal-imports-declined-sharply-in-2023.html> (дата обращения: 28.04.2024).
5. *Volume of coal imports from Russia in the European Union (EU) from 2018 to 2022 (in million metric tons)*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1034961/volume-russian-hard-coal-exports-to-eu/> (дата обращения: 28.04.2024).
6. Боровский, Ю. В. и Шишкина, О. В. (2022), Энергетическая политика ЕС и ее движущие силы, *Полит. Политические исследования*, № 3, с. 67–79.
7. Дзядко, Т. и Доронов, И. (2021), Новак — РБК: «Трудно сказать, когда закончится период высоких цен на газ», РБК. URL: https://www.rbc.ru/interview/business/29/12/2021/61caf38f9a794794320dfb61?from=column_1_chapter_1 (дата обращения: 28.04.2024).
8. Заславская, Н. Г. и Лисенкова, А. Д. (2024), Южноафриканский «угольный мираж» для энергетики ЕС, *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnoafrikanskiy-ugolnyy-mirazh-dlya-energetiki-es/> (дата обращения: 07.05.2024).
9. *EU imports of energy products — latest developments*. URL: https://web.archive.org/web/20230704193242/https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments#Overview (дата обращения: 07.05.2024).
10. *EU imports of coal by partner*. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:EU_imports_of_coal_by_partner_March_2024.png (дата обращения: 07.05.2024).
11. *Coal 2023: Analysis and Forecasts to 2026*. URL: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a72a7ffa-c5f2-4ed8-a2bf-eb035931d95c/Coal_2023.pdf (дата обращения: 05.05.2024).
12. *Coal Exports Statistics 2023*. URL: <https://www.tradeimex.in/blogs/coal-exports-statistics> (дата обращения: 28.04.2024).
13. *South Africa: coal to continue play important role but investment needed*. URL: <https://thecoalhub.com/report-presentation/south-africa-coal-to-continue-play-important-role-but-investment-needed> (дата обращения: 05.05.2024).
14. Brown, S. and Jones, D. (2024), *European Electricity Review 2024, Ember*. URL: <https://ember-climate.org/insights/research/european-electricity-review-2024/> (дата обращения: 07.05.2024).
15. *Global Coal Project Finance Tracker*. URL: <https://globalenergymonitor.org/projects/global-coal-project-finance-tracker/tracker-map/> (дата обращения: 05.05.2024).
16. *Carbon dioxide (CO₂) emissions from fossil fuel and industrial purposes in South Africa from 1970 to 2022 (in million metric tons)*. URL: <https://clck.ru/3Fuk8G> (дата обращения: 05.05.2024).
17. *Integrated Resource Plan*. URL: <https://www.energy.gov.za/IRP/2023/IRP%20Government%20Gazette%202023.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).
18. *National Development Plan: Our future — make it work*. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/ndp-2030-our-future-make-it-workr.pdf (дата обращения: 07.05.2024).
19. *EU external energy engagement in a changing world*. URL: <https://clck.ru/3FukU8> (дата обращения: 15.08.2024).
20. *European Climate Law*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R1119> (дата обращения: 15.08.2024).
21. *Richtlinie (EU) 2023/2413 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 18. Oktober 2023 zur Änderung der Richtlinie (EU) 2018/2001, der Verordnung (EU) 2018/1999 und der Richtlinie 98/70/EG im Hinblick auf die Förderung von Energie aus erneuerbaren Quellen und zur Aufhebung der Richtlinie (EU) 2015/652 des Rates*. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202302413 (дата обращения: 15.08. 2024).
22. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank: The Global Gateway*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (дата обращения: 07.05.2024).
23. *Global Coal to Clean Power Transition Statement*. URL: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20230313120149/https://ukcop26.org/global-coal-to-clean-power-transition-statement/> (дата обращения: 05.05.2024).
24. *Report of the Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to the Paris Agreement on its third session, held in Glasgow from 31 October to 13 November 2021*. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2021_10_add1_adv.pdf (дата обращения: 05.05.2024).
25. *Pledges And Targets*. URL: <https://clck.ru/3FukxС> (дата обращения: 05.05.2024).
26. *КС-26: Совместные действия на благо нашей планеты*. URL: <https://www.un.org/ru/climate-change/cop26> (дата обращения: 29.04.2024).

27. *South africa's just energy transition is progressing, says international partners group ahead of cop28*, 2023. URL: <https://clck.ru/3FukrX> (дата обращения: 05.05.2024).
28. *South Africa*. URL: <https://www.iea.org/countries/south-africa> (дата обращения: 05.05.2024).
29. *South Africa*. URL: <https://clck.ru/3Fukm> (дата обращения: 07.05.2024).
30. Скубко, Ю. С. (2023), «ЭСКОМ» и проблемы южноафриканской энергетики, *Ученые записки Института Африки РАН*, № 4 (65), с. 31–43.
31. Мастепанов, А. М., Сумин, А. М. и Чигарев, Б. Н. (2023), ЮАР: проблемы энергетического перехода и энергетической безопасности, *Энергетическая политика*, № 8 (187), с. 48–69.
32. Bhorat, H., Kupeta, T., Martin, L. and Steenkamp, F. (2024), *Just Transition and the Labour Market in South Africa: Measuring Individual and Household Coal Economy Dependence*, University of Cape Town, South Africa.
33. Hanto, J., Schroth, A., Krawielicki, L., Oei, P.-Y. and Burton, J. (2022), South Africa's Energy Transition — Unraveling its Political Economy, *Energy for Sustainable Development*, vol. 69, pp. 164–178.
34. Parr, B., Swilling, M. and Henry, D. (2018), The Paris Agreement and South Africa's Just Transition, *Briefing Paper 10*, pp. 1–13.
35. Дейч, Т. Л. (2018), Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия?, *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, т. 11, № 5, с. 119–141.
36. Pollack, M. A. (2007), Rational Choice and EU Politics, in: Jørgensen, K. E., Pollack, M. A. and Rosamond, B. (eds.), *Handbook of European Union Politics*, SAGE Publishing.
37. *Coal Reserves by Country 2024*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-reserves-by-country> (дата обращения: 15.08.2024).
38. *Coal Consumption by Country 2024*. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-consumption-by-country> (дата обращения: 15.08.2024).
39. *South Africa*. URL: <https://ember-climate.org/countries-and-regions/countries/south-africa/> (дата обращения: 15.08.2024).
40. Скубко, Ю. С. (2021), Перманентный энергетический кризис в ЮАР, в: Хазанов, А. М. (ред.), *Азия и Африка в период изменения мировой системы: история и современность*, Институт Востоковедения РАН, Россия, с. 206–214.
41. *Overview*. URL: <https://www.transnet.net/AboutUs/Pages/Overview.aspx> (дата обращения: 05.05.2024).
42. Хасанова, А. (2024), Добыча угля в ЮАР находится под угрозой, *Neftegaz.RU*. URL: <https://neftgaz.ru/news/coal/813201-dobycha-uglya-v-yuar-nakhoditsya-pod-ugrozoj/> (дата обращения: 05.05.2024).
43. Burkhardt, P. (2024), Coal at Risk of Being Stranded in South Africa as Rail Founders, *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-19/south-african-coal-at-risk-of-being-stranded-as-transnet-rail-founders> (дата обращения: 05.05.2024).
44. *Production volume of coal in South Africa from 1999 to 2022 (in exajoules)*. URL: <https://clck.ru/3FumCv> (дата обращения: 05.05.2024).
45. *Coal consumption in South Africa from 1998 to 2022 (in exajoules)*. URL: <https://www.statista.com/statistics/265499/south-african-coal-consumption-in-oil-equivalent/> (дата обращения: 05.05.2024).
46. *Our members*. URL: <https://poweringpastcoal.org/members/> (дата обращения: 05.05.2024).
47. *Joint Statement: South Africa Just Energy Transition Investment Plan*. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_6664 (дата обращения: 05.05.2024).
48. Armstrong, M. (2021), Chinese Foreign Investment in Coal Power, *Statista*. URL: <https://www.statista.com/chart/25827/china-public-investment-in-foreign-coal-power/> (дата обращения: 05.05.2024).
49. *Global Gateway*. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (дата обращения: 07.05.2024).
50. *Republic of South Africa: Multi-Annual Indicative Programme 2021–2027*. URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/document/download/c6acce06-7e7e-4567-b15b-f4c8e759f5e8_en?filename=mip-2021-c2021-9112-south-africa-annex_en.pdf (дата обращения: 07.05.2024).
51. *Import volume of coal to the European Union from 2005 to 2022 (in megatons)*. URL: <https://www.statista.com/statistics/1260337/eu-coal-import-volume/> (дата обращения: 07.05.2024).
52. *Is the EU Abandoning Russian Coal?* URL: <https://public.axsmarine.com/blog/is-the-eu-abandoning-russian-coal> (дата обращения: 07.05.2024).
53. *From where do we import energy?* URL: <https://web.archive.org/web/20221025015240/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (дата обращения: 07.05.2024).

54. Agnolucci P, Nagle, P. and Temaj, K. (2023), Declining coal prices reflect a reshaping of global energy trade, *World Bank Blogs*. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/declining-coal-prices-reflect-reshaping-global-energy-trade> (дата обращения: 15.08.2024).

Статья поступила в редакцию 1 августа 2024 г.;
рекомендована к печати 5 сентября 2024 г.

Контактная информация:

Заславская Наталья Генриховна — канд. ист. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0002-8287-7687>,
n.zaslavskaia@spbu.ru

Лисенкова Алена Денисовна — канд. полит. наук, ст. преп.; <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>,
alena.denisovna@yandex.ru

Coal and energy cooperation between the European Union and the Republic of South Africa in the context of the transformation of energy markets

N. G. Zaslavskaya¹, A. D. Lisenkova²

¹ St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

² North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

57/43, Sredniy pr. V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation

For citation: Zaslavskaya N. G., Lisenkova A. D. Coal and energy cooperation between the European Union and the Republic of South Africa in the context of the transformation of energy markets. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2024, vol. 17, issue 4, pp. 457–474. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.404> (In Russian)

This article examined coal and energy cooperation between the European Union and the South African Republic in the context of the transformation of energy markets. The article started with analysis of South Africa's coal and energy sector, then turned to the EU climate pressure on South Africa, and explained its logic and consequences. It is argued that South African participation in climate initiatives and its implementation of green transition policy were determined by the EU climate influence. Then the article focused on the prospects of long-term coal and energy cooperation between the European Union and South Africa in the context of the current conflictual relations between Russia and 'the collective West' with the EU's embargo on Russian coal, European climate ambitions to expand renewable energy and to achieve carbon neutrality, and South Africa's domestic energy challenges. The authors demonstrated that even though the South African coal supply to the European Union seriously increased in 2022 due to the anti-Russian coal embargo then it radically dropped in 2023. This drop could be explained by normalization of coal prices and European demand, possibility for the EU to use accumulated coal reserves and climate concerns about share of coal in the energy balance of the European Union, increased demand for coal in the Asia-Pacific region caused by rapid economic growth and post-COVID recovery there, as well as internal permanent problems of South Africa (corruption, vandalism, thievery, outdated infrastructure, etc.) and its low competitiveness compared to key rivals (Australia and the United States).

Keywords: European Union, South Africa, energy, coal, embargo, climate change.

References

1. *Coal, South African export price Monthly Price — US Dollars per Metric Ton*, n.d. Available at: <https://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=coal-south-african&months=60> (accessed: 28.04.2024).

2. Ananich, I. V. (2022), Coal is back in Fashion, *Energy Policy*, no. 5 (171), pp. 72–77. (In Russian)
3. Council Regulation (EU) 2022/576 of 8 April 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (2022), *Official Journal of the European Union*, L 111.
4. *European coal imports declined sharply in 2023*. Available at: <https://thecoalhub.com/european-coal-imports-declined-sharply-in-2023.html> (accessed: 28.04.2024).
5. *Volume of coal imports from Russia in the European Union (EU) from 2018 to 2022 (in million metric tons)*, 2023. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1034961/volume-russian-hard-coal-exports-to-eu/> (accessed: 28.04.2024).
6. Borovsky, Yu. V. and Shishkina, O. V. (2022), The EU's Energy Policy and Its Driving Forces, *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 67–79. (In Russian)
7. Dzyadko, T. and Doronov, I. (2021), Novak to RBC: "It is hard to say when the period of high gas prices will end", *RBK*. Available at: https://www.rbc.ru/interview/business/29/12/2021/61caf38f9a794794320dfb61?from=column_1_chapter_1 (accessed: 28.04.2024). (In Russian)
8. Zaslavskaya, N. G. and Lisenkova, A. D. (2024), South Africa's "coal mirage" for EU energy, *Russian International Affairs Council*. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhnoafrikanskiy-ugolnyy-mirazh-dlya-energetiki-es/> (accessed: 07.05.2024). (In Russian)
9. *EU imports of energy products — latest developments*. Available at: https://web.archive.org/web/20230704193242/https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_imports_of_energy_products_-_latest_developments Overview (accessed: 07.05.2024).
10. *EU imports of coal by partner*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:EU_imports_of_coal_by_partner_March_2024.png (accessed: 07.05.2024).
11. *Coal 2023: Analysis and Forecasts to 2026*. Available at: https://iea.blob.core.windows.net/assets/a72a7ffa-c5f2-4ed8-a2bf-eb035931d95c/Coal_2023.pdf (accessed: 05.05.2024).
12. *Coal Exports Statistics 2023*. Available at: <https://www.tradeimex.in/blogs/coal-exports-statistics> (accessed: 28.04.2024).
13. *South Africa: coal to continue play important role but investment needed*. Available at: <https://thecoalhub.com/report-presentation/south-africa-coal-to-continue-play-important-role-but-investment-needed> (accessed: 05.05.2024).
14. Brown, S. and Jones, D. (2024), European Electricity Review 2024, *Ember*. Available at: <https://ember-climate.org/insights/research/european-electricity-review-2024/> (accessed: 07.05.2024).
15. *Global Coal Project Finance Tracker*. Available at: <https://globalenergymonitor.org/projects/global-coal-project-finance-tracker/tracker-map/> (accessed: 05.05.2024).
16. *Carbon dioxide (CO₂) emissions from fossil fuel and industrial purposes in South Africa from 1970 to 2022 (in million metric tons)*. Available at: <https://clck.ru/3FumWq> (accessed: 05.05.2024).
17. *Integrated Resource Plan*. Available at: <https://clck.ru/3Fumau> (accessed: 05.05.2024).
18. *National Development Plan: Our future — make it work*. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/ndp-2030-our-future-make-it-workr.pdf (accessed: 07.05.2024).
19. *EU external energy engagement in a changing world*. Available at: <https://clck.ru/3Fumi7> (accessed: 15.08.2024).
20. *European Climate Law*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32021R1119> (accessed: 15.08.2024).
21. *Richtlinie (EU) 2023/2413 des Europäischen Parlaments und des Rates vom 18. Oktober 2023 zur Änderung der Richtlinie (EU) 2018/2001, der Verordnung (EU) 2018/1999 und der Richtlinie 98/70/EG im Hinblick auf die Förderung von Energie aus erneuerbaren Quellen und zur Aufhebung der Richtlinie (EU) 2015/652 des Rates*. Available at: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/PDF/?uri=OJ:L_202302413 (accessed: 15.08.2024).
22. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank: The Global Gateway*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021JC0030> (accessed: 07.05.2024).
23. *Global Coal to Clean Power Transition Statement*. Available at: <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20230313120149/https://ukcop26.org/global-coal-to-clean-power-transition-statement/> (accessed: 05.05.2024).
24. *Report of the Conference of the Parties serving as the meeting of the Parties to the Paris Agreement on its third session, held in Glasgow from 31 October to 13 November 2021*. Available at: https://unfccc.int/sites/default/files/resource/cma2021_10_add1_adv.pdf (accessed: 05.05.2024).
25. *Pledges And Targets*. Available at: <https://clck.ru/3FukxC> (accessed: 05.05.2024).

26. COP26: *Together for our planet*. Available at: <https://www.un.org/ru/climatechange/cop26> (accessed: 29.04.2024). (In Russian)
27. *South africa's just energy transition is progressing, says international partners group ahead of cop28*. Available at: <https://clck.ru/3FukrX> (accessed: 05.05.2024).
28. *South Africa*. Available at: <https://www.iea.org/countries/south-africa> (accessed: 05.05.2024).
29. *South Africa*. Available at: <https://clck.ru/3Fukm> (accessed: 07.05.2024).
30. Skubko, Yu. S. (2023), ESKOM and the Problems of South African Energy, *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN*, no. 4 (65), pp. 31–43. (In Russian)
31. Mastepanov, A. M., Sumin, A. M. and Chigarev, B. N. (2023), South Africa: Problems of Energy Transition and Energy Security, *Energeticheskaja politika*, no. 8 (187), pp. 48–69. (In Russian)
32. Bhorat, H., Kupeta, T., Martin, L. and Steenkamp, F. (2024), *Just Transition and the Labour Market in South Africa: Measuring Individual and Household Coal Economy Dependence*, University of Cape Town, South Africa.
33. Hanto, J., Schroth, A., Krawielicki, L., Oei, P.-Y. and Burton, J. (2022), South Africa's Energy Transition — Unraveling its Political Economy, *Energy for Sustainable Development*, vol. 69, pp. 164–178.
34. Parr, B., Swilling, M. and Henry, D. (2018), The Paris Agreement and South Africa's Just Transition, *Briefing Paper 10*, pp. 1–13.
35. Deuch, T. L. (2018), China in Africa: Neo-Colonial Power or “Win-Win” Strategy?, *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, vol. 11, no. 5, pp. 119–141. (In Russian)
36. Pollack, M. A. (2007), Rational Choice and EU Politics, in: Jørgensen, K. E., Pollack, M. A. and Rosamond, B. (eds.), *Handbook of European Union Politics*, SAGE Publishing.
37. *Coal Reserves by Country 2024*. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-reserves-by-country> (accessed: 15.08.2024).
38. *Coal Consumption by Country 2024*. Available at: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/coal-consumption-by-country> (accessed: 15.08.2024).
39. *South Africa*. Available at: <https://ember-climate.org/countries-and-regions/countries/south-africa/> (accessed: 15.08.2024).
40. Skubko, Yu. S. (2021), South Africa's Permanent Energy Crisis, in: Khazanov, A. M. (ed.), *Asia and Africa during the Period of Change in the World System: History and Modernity*, Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN Publ. pp. 206–214. (In Russian)
41. *Overview*. Available at: <https://www.transnet.net/AboutUs/Pages/Overview.aspx> (accessed: 05.05.2024).
42. Khasanova, A. (2024), South Africa's coal mining is under threat, *Neftegaz.RU*. Available at: <https://neftgaz.ru/news/coal/813201-dobycha-uglya-v-yuar-nakhoditsya-pod-ugrozoy/> (accessed: 05.05.2024). (In Russian)
43. Burkhardt, P. (2024), Coal at Risk of Being Stranded in South Africa as Rail Founders, *Bloomberg*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-01-19/south-african-coal-at-risk-of-being-stranded-as-transnet-rail-founders> (accessed: 05.05.2024).
44. *Production volume of coal in South Africa from 1999 to 2022 (in exajoules)*. Available at: <https://clck.ru/3FumCv> (accessed: 05.05.2024).
45. *Coal consumption in South Africa from 1998 to 2022 (in exajoules)*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/265499/south-african-coal-consumption-in-oil-equivalent/> (accessed: 05.05.2024).
46. *Our members*, n.d. Available at: <https://poweringpastcoal.org/members/> (accessed: 05.05.2024).
47. *Joint Statement: South Africa Just Energy Transition Investment Plan*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_22_6664 (accessed: 05.05.2024).
48. Armstrong, M. (2021), Chinese Foreign Investment in Coal Power, *Statista*. Available at: <https://www.statista.com/chart/25827/china-public-investment-in-foreign-coal-power/> (accessed: 05.05.2024).
49. *Global Gateway*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/global-gateway_en (accessed: 07.05.2024).
50. *Republic of South Africa: Multi-Annual Indicative Programme 2021–2027*. Available at: https://international-partnerships.ec.europa.eu/document/download/c6acce06-7e7e-4567-b15b-f4c8e759f5e8_en?filename=mip-2021-c2021-9112-south-africa-annex_en.pdf (accessed: 07.05.2024).
51. *Import volume of coal to the European Union from 2005 to 2022 (in megatons)*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1260337/eu-coal-import-volume/> (accessed: 07.05.2024).
52. *Is the EU Abandoning Russian Coal?* Available at: <https://public.axsmarine.com/blog/is-the-eu-abandoning-russian-coal> (accessed: 07.05.2024).
53. *From where do we import energy?* Available at: <https://web.archive.org/web/20221025015240/https://ec.europa.eu/eurostat/cache/infographs/energy/bloc-2c.html> (accessed: 07.05.2024).

54. Agnolucci P., Nagle, P. and Temaj, K. (2023), Declining coal prices reflect a reshaping of global energy trade, *World Bank Blogs*. Available at: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/declining-coal-prices-reflect-reshaping-global-energy-trade> (accessed: 15.08.2024).

Received: August 1, 2024

Accepted: September 5, 2024

Authors' information:

Natalia G. Zaslavskaya — PhD in History, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0002-8287-7687>,

n.zaslavskaia@spbu.ru

Alena D. Lisenkova — PhD in Political Sciences, Senior Lecturer; <https://orcid.org/0000-0002-2457-3466>,
alena.denisovna@yandex.ru